

Россия: власть и история

Историческая политика последовательно разрушает пространство для общественной дискуссии внутри страны и в отношениях с соседями | **АЛЕКСЕЙ МИЛЛЕР**

Для обозначения связи профессиональной историографии и коллективной памяти с политикой используется целый ряд понятий. Их ассортимент варьирует от страны к стране¹, и это может быть предметом отдельного исследования. В России мы, главным образом, имеем дело с такими терминами, как «политизация истории» и «политика памяти». В последнее время все чаще используется термин «историческая политика». Отправной точкой для этой статьи, во второй части которой речь пойдет о ситуации в России, будет попытка определить различия в содержании этих понятий. Разумеется, такое разграничение — дело конвенции, и то, что следует далее, это именно попытка такую конвенцию предложить.

Политизация истории — по сути дела неизбежная и неизбывная вещь. Она начинается уже на индивидуальном уровне: в своих исследованиях всякий историк в большей или меньшей степени находится под влиянием современной ему общественной ситуации, собственных политических взглядов, а также национальной, религиозной, социальной идентификации. В определенном смысле эта связь является источником постоянного развития и обновления истории², потому что новое время и ситуация, равно как и личный опыт, каждый раз подталкивают историков

к постановке новых вопросов. В той мере, в которой различные группы историков подвержены сходным воздействиям политических факторов, мы можем говорить о том, как политизация истории функционирует не только на индивидуальном, но и на групповом уровне. Речь идет, например, о контексте национальных историографий, который был определяющим для историков со времен Леопольда фон Ранке, и во многом остается определяющим сегодня. Мы часто говорим также о делении историков по их политическим предпочтениям, которые оказывают влияние и на методологические подходы, — отсюда такие термины, как «либеральные историки», «консервативные историки», «историки-марксисты» и т. д.

Вместе с тем признание того факта, что историк в своем творчестве испытывает влияние современных обстоятельств и собственных политических пристрастий, является исходной точкой для выработки определенных механизмов, которые позволяют снижать это влияние — через рефлексию и самоконтроль, внятное изложение альтернативных точек зрения, внимательное отношение к профессиональной критике. В сфере изучения причинно-следственных связей, оценок событий и деятелей прошлого история не может претендовать на статус объективной науки и способность устано-

вить «истину». Нормой признается *стремление* к объективности и исследовательский *поиск*, неотъемлемыми элементами которого являются дискуссия, плюрализм мнений, причем не только внутри сугубо профессиональной сферы историков, но и в представлении результатов работы историков обществу. Профессиональные нормы предполагают такое построение аргумента, которое открыто для верификации, то есть проверки источников и критики тех логических ходов и ценностных установок, которые использует автор. Выработка этих принципов далась цеху историков непросто, тем больше мы должны их ценить.

Политизация истории не ограничивается влиянием политической злобы дня на профессиональных историков. Ее можно видеть и в привычке читателей искать в сочинениях историков мнения по актуальным вопросам. Эта привычка еще больше закрепляется оттого, что некоторые ученые, порой в ущерб профессиональной этике, стараются соответствовать подобным ожиданиям аудитории.

О политизации истории можно говорить и в том случае, когда политики используют «исторические» аргументы в своих выступлениях. Это явление также распространено повсеместно и, по всей видимости, неотребимо. В то же время в демократических обществах уже накоплен опыт, когда использование исторических аргументов делает политиков легкой добычей критики как со стороны соперников по политической борьбе, так и со стороны профессиональных историков.

О *политике памяти* мы говорим тогда, когда дело касается различных общественных практик и норм, связанных с регулированием коллективной памяти. Речь идет о коммеморации (то есть о сооружении памятников и музеев, об отмечании на государственном или местном уровне как особо значимых определенных событий

прошлого), об акцентировании внимания на одних сюжетах истории и замалчивании или маргинализации других, о выплате пенсий ветеранам одних событий и отказе в таких выплатах ветеранам других.

Государство также влияет на политику памяти и исторические исследования через регулирование доступа к архивам, через определение стандартов исторического образования (то есть того минимального набора тем и фактов, которые учащийся обязан знать), а также через приоритетное финансирование исследований и изданий о тех или иных проблемах истории и т. д. Политика памяти столь же неизбежна, как и политизация истории, — нет обществ, начиная с племенных, которые так или иначе не регулировали бы эту сферу. Наличие парламентской оппозиции, а также независимых общественных и профессиональных объединений³, отстаивающих представления, отличные от позиции той партии или группы, которая в данный момент находится у власти, как правило, способствует сохранению плюрализма в политике памяти.

«Места памяти»⁴, создаваемые в рамках политики памяти, могут быть «закрытыми», то есть фиксирующими строго определенную интерпретацию исторического события или персонажа, а могут быть «открытыми», создающими пространство для диалога и различных трактовок⁵.

Неотъемлемой частью политики памяти является политика «забывания». Забывание может быть «вытесняющим», когда общество не касается определенных, чаще всего недавних событий как особенно болезненных и конфликтогенных. Примером вытесняющего забывания могут служить первые 15–20 лет отношения к теме нацистского прошлого в ФРГ, отношение во Франции того же периода к теме коллаборационизма и Виши или отношение к гражданской войне в Испании после падения франкистского режима. Как пра-

вило, такое забывание через определенное время сменяется повышенным интересом историков и общества к «забытым» темам.

Забывание может быть также «отрицающим», когда ключевые общественные силы избегают признания и обсуждения определенных постыдных или преступных событий прошлого. Отрицающее забывание демонстрирует Япония, до сих пор избегающая разговора о преступлениях, совершенных японцами во время Второй мировой войны, или современная Россия, — например, в том, что касается поведения советских солдат в оккупированной Германии.

Бывает и «понимающее» забывание, когда фокус общественного внимания смещается в сторону от какого-либо события или процесса *после* того, как предприняты усилия по обсуждению, в том числе обсуждению вины и ответственности. В современной Германии, где нацистское прошлое осознано, не отрицается и не замалчивается, с некоторых пор признание ответственности уже не исключает, как когда-то, обращения к прежде «закрытой» теме страдания немецкого гражданского населения во время и после Второй мировой войны. Это тот случай, когда освоение народом темы вины и ответственности за трагедию Второй мировой войны открывает возможность обратиться и к теме его собственных страданий в ходе этой войны.

Таким образом, политика памяти может быть более или менее открытой для влияния и диалога различных общественных сил и историков, более или менее продуктивной в деле врачевания ран прошлого, преодоления внутринациональных и межнациональных конфликтов. Но она может также порождать новые конфликты, создавать сознательно искаженные образы прошлого.

Проблематика политизации истории и коллективной памяти уже давно является предметом изучения. Литература предмета поистине огромна. Появляются даже ста-

ти, предсказывающие спад интереса к этой теме⁶. Но сегодня мы скорее наблюдаем новый этап активизации политики памяти и политизации истории. Более того, в этой сфере происходят некоторые принципиально новые процессы, которые требуют описания, анализа и, на мой взгляд, особого термина для их обозначения. За неимением лучшего я предлагаю использовать термин «историческая политика». Он заимствован мною у польских сторонников этого нового подхода к проблемам истории и памяти, что, конечно, порождает определенные проблемы. Мое понимание природы исторической политики принципиально отличается от представлений ее сторонников, как явных, так и «стыдливых». С моей точки зрения, у этого термина есть важное достоинство: он верно определяет те отношения, которые возникают между политикой, выступающей здесь как существительное, и историей, которая служит лишь прилагательным. Термин подчеркивает, что речь идет именно о *политическом* феномене, который должен изучаться, прежде всего, как часть политики, и тем отличается от политизации истории и политики памяти в той трактовке, которая дана выше.

Происхождение понятия «историческая политика»

В 2004 году группа польских историков заявила о том, что Польше необходимо разработать и проводить собственную версию исторической политики. (Подробнее см. статью Роберта Трабы в этом номере *Pro et Contra* на с. 34–64.) Они не скрывали, что заимствуют термин (*polityka historyczna*) из немецкого *Geschichtspolitik*. В ФРГ понятие *Geschichtspolitik* возникло в начале 1980-х годов. Тогда новоизбранный христианско-демократический канцлер Гельмут Коль, сам имеющий ученую степень историка, решил использовать историческую проблематику для закрепления своего политического успеха. Он назначил профес-

сионального историка Михаэля Штюрмера политическим советником и заговорил о необходимости «морально-политического поворота» в Германии. Важный элемент этого «поворота» состоял в том, чтобы утвердить более позитивный характер немецкого патриотизма с тем, чтобы он не строился исключительно на признании собственной вины за преступления Третьего рейха. Для этой цели следовало скорректировать подход к теме ответственности за преступления нацизма, который сформировался в 1960–1970-е годы, когда у власти в ФРГ были

Польские сторонники исторической политики тоже говорили о необходимости утверждения здорового патриотизма с помощью истории, а также о противостоянии «искажениям» польской истории внутри страны и за рубежом. Можно сказать, что они поступили честно, когда решили заимствовать понятие «историческая политика» для обозначения своей программы, — она вполне отвечала приведенному выше определению. В Польше это понятие прочно укоренилось и с 2004 года является не просто предметом ожесточенной поле-

“Те явления, которые получили имя «историческая политика», существенно отличаются от политизации истории и политики памяти”.

социал-демократы, и прочно ассоциировался с ними в политическом плане. Выдержанные в этом духе выступления историков Эрнста Нольте, самого Штюрмера и ряда их союзников привели в 1986–1987 годах к знаменитому *Historikerstreit* — «спору историков» о причинах возникновения нацизма и мере его ответственности за Вторую мировую войну (более подробно о «споре историков» см. в материале Ютты Шеррер на с. 89–107). В ходе этой дискуссии Коль и его союзники из числа немецких историков получили столь жесткий отпор, что *Geschichtspolitik* была свернута, не успев толком набрать обороты. Жесткость реакции — порой даже излишняя — подавляющего большинства немецких историков на выступления Нольте во многом была связана именно с тем, что они воспринимались как часть исторической политики. Понятие *Geschichtspolitik* прочно вошло в немецкий лексикон как обозначение «интерпретации истории, избранной по политическим, то есть партийным, мотивам, и попытки убедить общественность в правильности такой интерпретации».

мики, но и объектом анализа, на результаты которого я во многом опираюсь в собственных попытках понять этот феномен. Действия в духе исторической политики в последние десять лет типичны практически для всех стран Восточной Европы; часто заимствуются и конкретные формы ее реализации, хотя далеко не везде сторонники исторической политики готовы сами характеризовать свою деятельность подобным образом⁷. Стремясь легитимировать историческую политику, ее сторонники любят утверждать, что в ней нет ничего принципиально нового, что все и всегда так поступали и поступают и «ненормальной» является, наоборот, ситуация, в которой у государства нет ясной и энергичной исторической политики. Мое принципиальное расхождение со сторонниками исторической политики состоит как раз в том, что я считаю те явления, которые получили имя «историческая политика», во многом новыми и существенно отличающимися от политизации истории и политики памяти, как они были описаны выше.

Природа и механизмы исторической политики

Как это обычно бывает с относительно новыми явлениями, историческую политику не так просто «ухватить» и четко описать, тем более что ее механизмы и задачи, как правило, сознательно скрываются. Феномен исторической политики особенно сильно проявляется в посткоммунистических обществах, но это лишь отчасти объясняется повышенным общественным интересом к истории и ее «белым пятнам», оставленным в наследство коммунистической цензурой. Наследие прежнего режима также важно на уровне интеллектуальных привычек и рефлексов, а также доступного историографического багажа.

Но суть вопроса как раз в том, что мы имеем дело с обществами *посткоммунистическими*, то есть освободившимися от прежних жестких форм авторитарного идеологического контроля. Об исторической политике в строгом смысле слова следует говорить только применительно к обществам демократическим или, по крайней мере, более или менее плюралистическим, заявляющим о признании демократических ценностей, в том числе свободы слова. Собственно, именно в этих условиях и возникает политика как конкуренция различных политических акторов, партий и точек зрения. В авторитарных режимах советского типа вмешательство власти в изучение истории и политику памяти было основано на официальной презумпции идеологической монополии, на механизмах цензуры и административного контроля над профессиональной историографией. «Инакомыслящие» историки подвергались проработке на партсобраниях, а упорствующие изгонялись из профессии.

В обществе, претендующем на то, чтобы быть демократическим, все эти механизмы меняются. В отличие от прежней коммунистической системы партии-государства, груп-

па или партия, которым принадлежит власть в данный момент, перестают быть тождественны государству. Общественная сфера становится плюралистической, власть уже не может претендовать на контроль над ней, тем более репрессивный. Плюралистической становится школа, в который учитель истории, соблюдая образовательный стандарт, должен обладать свободой в выборе учебника и трактовок изучаемых событий и процессов. Историк в его научной деятельности должна быть обеспечена независимость и интеллектуальная свобода. Доступ к архивам должен быть равным для всех и регулироваться законом, а не административными решениями. Государственное финансирование школы и исследований не предполагает права той группы или партии, которая в данный момент стоит у власти, диктовать содержание преподавания и исследований, поскольку это не деньги данной партии, а бюджет страны, сформированный из налогов граждан; политическая сила, стоящая у власти, не может претендовать на идеологическую монополию.

Именно в этих новых условиях — в той или иной степени соблюдаемых (или имитирующих) — возникает набор практик, с помощью которых отдельные политические силы стремятся утвердить определенные интерпретации исторических событий как доминирующие. Иными словами, используя административные и финансовые ресурсы государства, те политические силы, которые находятся у власти, осуществляют идеологическую индоктринацию общества в сфере исторического сознания и коллективной памяти. (Речь идет о таких исторических событиях и процессах, по которым в обществе нет консенсуса, которые являются предметом дискуссии.)

Полагаю, что для понимания феномена исторической политики важен не только, и даже не столько вопрос, что именно про-

пагандируется. Важнее то, как это делается, какие методы используются в этой пропагандистской работе.

Современная историческая политика не может в полном объеме вернуться к прежним, советским методам и навязать единственно верный взгляд, даже если предположить, что в некоторых случаях ее организаторы хотели бы этого, и вынуждена изобретать новые способы вмешательства в историю и политику памяти, а также новые стратегии легитимации такого вмешательства.

Каковы же эти новые механизмы? В институциональном плане, прежде всего, бросается в глаза появление институтов национальной памяти в Польше (см. подверстку на с. 12) и Украине и учреждений, схожих с ними по функциям и принципам организации, которые существуют во многих других странах.

Другой пример институционального изменения исторической политики — создание музеев под прямым патронатом определенных политических сил; позиции политических оппонентов при этом полностью игнорируются. Так, под патронатом братьев Качиньских был создан Музей Варшавского восстания, под патронатом венгерских правых — «Дом террора» в Будапеште, под патронатом президента Ющенко — «Музей советской оккупации» и стандартная экспозиция о Голодоморе для региональных музеев и т. д. В центре исторического нарратива вообще и музейных экспозиций, в частности, оказывается мартирология и образ врага, который, как правило, отчетливо ассоциируется с современными политическими силами и вне страны, и внутри нее⁸.

Историческая политика проявляется и на законодательном уровне, когда парламенты принимают законы, закрепляющие ту или иную трактовку исторических событий как единственно верную. Иногда в проектах этих законов и даже в утвержденных

парламентами актах предусматриваются уголовные наказания для тех, кто оспаривает такую трактовку. Эта практика характерна не только для Восточной Европы (о примере Украины см. статью Георгия Касьянова в этом номере *Pro et Contra* на с. 24–41), но и для Западной (о Франции см. статью Ютты Шеррер в этом номере *Pro et Contra* на с. 89–107)⁹.

Идеологические основания

Идеологическое обеспечение исторической политики основано на четырех главных постулатах. Во-первых, история и память представляются, прежде всего, как арена политической борьбы с внешним и внутренним противником. Отсюда делается вывод, что история «слишком важна, чтобы оставить ее историкам»¹⁰. Это, среди прочего, означает, что историки уже не считают принципы профессиональной этики обязательной нормой, а при этом самих историков, как рядовых бойцов идеологического фронта, пытаются поставить под надзор более «искушенных» и «патриотичных» людей¹¹.

Во-вторых, утверждается, что «все так делают», чем в глазах общественности оправдывается очевидное нарушение принципов функционирования наук об обществе, принятых в демократических условиях. Это выражается и в прямом ограничении свободы высказывания, и в вытеснении неудобных взглядов на обочину медийного поля, и в изменении принципов финансирования. Например, вместо системы распределения грантов на исследования, которая контролируется самим научным сообществом, выделяются деньги на проекты, осуществляемые по прямому политическому заказу.

В-третьих, считается очевидным, что внешний противник неустанно стремится утвердить такую интерпретацию событий прошлого, которая вредит нашему отечеству. А потому долг историков — солидарно про-

Польский Институт национальной памяти

В польском ИНП работают более 1 200 человек.

В нем есть исследовательское и издательское подразделения, а также особая прокурорская служба. Институт контролирует архивы служб безопасности бывшей ПНР, в том числе решает, кто и какие материалы получает из этих архивов, а кто не может их получить. Таким образом, те историки, которые работают в ИНП, получают преимущества. К тому же благодаря работе в ИНП они имеют статус государственных служащих с соответствующими привилегиями и дисциплинарной ответственностью. Их зарплата в разы превышает зарплату историков в национальной Академии наук и университетах. Исследовательский бюджет Института больше, чем сумма бюджетов всех других центров по изучению истории Польши XX века. Руководящий состав и, прежде всего, директор — это политическая номенклатура, назначаемая политическим руководством страны.

С утверждением политического влияния в ИНП партии «Право и справедливость» братьев Качиньских все структурные и правовые проблемы ИНП проявились с особой остротой. Вот как об этом говорит уважаемый польский историк Ежи Едлицкий: «Не в том зло, что появился институт, который призван интенсифицировать работу над проблемами новейшей истории, а в том, что с момента своего основания он отягощен исторической политикой. Политикой, в результате которой в одних руках оказалась сосредоточена прокурорская

власть, власть над документами, издательская власть и материальные средства, каких ни один другой институт, исследующий прошлое, никогда в своем распоряжении не имел. Эту власть отдали одной группировке и превратили Институт национальной памяти в трибунал, который имеет право безапелляционно осуждать и бесчестить и отдельных людей, и целые сообщества». Коллега Едлицкого Дариуш Стола добавляет, пожалуй, самое важное: «Профессор Едлицкий, справедливо критикуя Институт национальной памяти, не заметил тесной связи между недостатками этого института и его государственным характером. ИНП — не исследовательское учреждение, а министерство памяти, мои коллеги историки, которые там работают, являются государственными чиновниками, а их шеф — политиком. Научные институты — университеты, исследовательские центры и т. д. функционируют по другим принципам, имеют другие критерии оценки, механизмы защиты независимости...» См.: *Co ma państwo do historii // Gazeta Wyborcza*. 2008. Jun. 14. (http://wyborcza.pl/1,76498,5311937,Co_ma_panstwo_do_historii_.html).

Новизна такого учреждения, во-первых, в том, что оно объединяет прежде раздельные функции. Контроль над архивами дает историкам института не просто право «первой ночи», но и возможность блокировать доступ к документам для других исследователей. А значит,

открывает широкие возможности для манипуляций и даже фальсификаций. Сотрудники украинского Института национальной памяти также имеют преимущественный доступ к архивам Службы безопасности Украины (СБУ), а заместитель директора Института Володымир Вятрович, «прославившийся» книжкой о том, как УПА спасала евреев во время Второй мировой войны, является также советником директора СБУ.

Во-вторых, совмещение исследовательских подразделений и органов следствия превращает ИНП в мощное политическое оружие, как при реализации законов о люстрации, если таковые в стране имеются, так и за счет контролируемых вбросов информации, дискредитирующей политических противников. И примеров такого рода накопилось уже много как в польской политической практике, так и в других странах.

В-третьих, издательские возможности таких учреждений далеко превосходят потенциал академических и частных научных и даже научно-популярных издательств.

Наконец, привилегированный статус сотрудников одновременно означает, что их научная и публикаторская деятельность находится под контролем. Если им вдруг случается отклониться от «генеральной линии», которую навязывает политическое руководство страны, их легко можно призвать к порядку. Таких эпизодов в деятельности польского ИНП более чем достаточно.

тивостоять опасности, как правило, через отстаивание противоположного аргумента: на всякое их «да» мы скажем «нет», и наоборот. Как следствие, разрушается пространство для диалога внутри страны, поскольку все обязаны присягнуть заявленным постулатам.

То же происходит и в отношениях с внешним миром: сторонники исторической политики по обе стороны границы вступают друг с другом в жаркие перепалки. Поскольку ни та, ни другая сторона не стремится ни убедить, ни понять оппонента, то подобные «дискуссии» только нагнетают конфликт.

В-четвертых, оправданием исторической политики служит якобы плачевное состояние патриотизма и преподавания истории в школе. По этой причине предлагается (временно) принести в жертву плюрализм в учебниках и концепциях — ради того, чтобы «дети знали хотя бы главные вещи».

В действительности общественные интересы — только прикрытие, а истинные цели носят политический, партийный характер. «Истинно патриотическая» версия истории неизменно оказывается выгодной определенной политической силе. Так, сторонники исторической политики в Польше с ее помощью сражаются с политическими конкурентами за право братьев Качиньских считаться единственными наследниками движения «Солидарность». В Украине насаждаемые Ющенко трактовки истории Украинской повстанческой армии и голода 1932–1933 годов служат подспорьем в его борьбе с оппозицией и помогают утвердить такую концепцию украинской нации, которая соответствует представлениям президента и его политических союзников. С помощью исторической политики борются за голоса избирателей, устраняют конкурентов в рамках и за рамками процедур законов о люстрации¹². Как правило, роль исторической политики во внешнеполитической

сфере менее важна, чем внутри страны, хотя сторонники исторической политики часто утверждают обратное.

Как это делается в России

В этой части статьи я не буду подробно реконструировать развитие исторической политики в России, тем более что многие шаги в этой сфере носят закулисный характер и пока недоступны для анализа. Я лишь постараюсь показать, как соотносятся некоторые события последних двух-трех лет с той интерпретацией феномена исторической политики, которая предложена выше.

В апреле 2008 года в публичной лекции об исторической политике в Польше, Украине и России я попытался сформулировать ее специфику и привлечь к этому феномену общественное внимание¹³. Говоря о том, что в России историческая политика проявляется менее интенсивно, чем у соседей, я высказал опасение, что это лишь потому, что мы, как всегда, медленно запрягаем. Я утверждал тогда, что последствия от активизации исторической политики, если таковая последует, у нас будут крайне разрушительны из-за особенностей нашей политической конструкции. Как ни горько это признавать, опасения подтвердились.

В действительности первые серьезные признаки активизации исторической политики появились в России уже несколько лет назад. Судя по всему, команда, которая работала над так называемым учебником Филиппова — на самом деле речь идет о целом комплекте учебников и пособий по истории XX века, — была собрана и получила соответствующее задание еще в 2006 году. Во всяком случае, в 2007-м в свет вышел первый продукт этой группы — пособие для учителей по новейшей истории России¹⁴. Вскоре появился учебник «История России, 1945–2007», а также методическое пособие по периоду 1900–

1945 годов¹⁵. Учебник по этому периоду выйдет в ближайшее время.

Вопрос о том, убедительна ли трактовка событий в этом учебнике, для нашей темы не главный¹⁶. При наличии широкого выбора учебников право на существование имеет и такой. (О реальных возможностях выбора см. подверстку на этой странице.) Если отправной точкой для Филиппова — Данилова является отказ от концепции тоталитаризма, то ряд других пособий используют эту концепцию¹⁷.

Заявление авторов учебника о том, что главной задачей преподавания истории является воспитание гражданина, ничем в учебнике не подкреплено. В действительности труд Филиппова и его соавторов воспитывает патриотизм, понимаемый как преданность даже не государству, а власти. Грехи последней по преимуществу объясняются трудной международной ситуацией и необходимостью мобилизации. По сути дела — это обращенный в прошлое дискурс сегодняш-

Выбор учебников: видимость плюрализма

Взгляд на прилавки московских магазинов с учебной литературой создает превратное впечатление о преподавании истории в стране. Выбор учебников по истории действительно довольно широк (сами учебники пусть и не вызывают восторга, но, как правило, возмущения не вызывают тоже), но это лишь видимость плюрализма.

Учебник Данилова издан тиражом в 250 тыс. экземпляров. (На некоторых учебниках указан тираж 100 тыс., а на других — 150 тыс.; это соответствует двум типографским «заводам», то есть суммарно отпечатано 250 тыс. экземпляров.) Для сравнения — другие учебники издаются сегодня тиражом в 10, максимум — 15, некоторые — в 5 тысяч. Школы не покупают учебники в книжных магазинах. Их снабжают учебниками через специальные распределители, которые рассылают в школы списки наличествующей литературы, а школьная администрация заказывает из того, что имеется. Учебник Данилова присутствует в этом списке неукоснительно, другие — далеко не все и не всегда. Даже заказав другие

пособия, школы никак не гарантированы от того, что вместо заказанного им не придет учебник Данилова. Снабжение учебниками происходит на бесплатной основе. Если школа хочет купить в магазине тот учебник, который считает нужным, она может сделать это только из своего скромного бюджета, из которого производятся в том числе и хозяйственные работы. Мало кто из директоров согласится тратить деньги на учебники вместо ремонта. Можно собрать деньги на учебник с родителей. Многие так и делают. Но это возможно лишь в том случае, если все родители как один согласны заплатить. Стоит одному воспротивиться — и от учебника Данилова никуда не деться. Если кому-то из родителей покажется, что, требуя заплатить за «лишний» учебник, на него оказывают давление, школе грозят очень серьезные последствия. Это может быть квалифицировано как вымогательство, то есть школа рискует оказаться под статьей УК. В Москве, других крупных городах, где материальное положение родителей лучше, принцип свободы выбора учебника еще можно осуществить,

но в целом по стране система уже исправно закачивает в школы колоссальный тираж учебника Данилова. Кроме того, по имеющимся у автора данным, РОНО не забывают дать по шапке методистам, у которых подопечные школы не спешат заказывать «учебники нового поколения». А если тесты ЕГЭ будут разрабатываться в опоре на набор учебников Данилова — Филиппова, в чем трудно сомневаться, то окончательную победу этого «учебника нового поколения» можно считать гарантированной.

Двести пятьдесят тысяч тиража — это политическое решение, ни одно издательство не напечатало бы столько на свой страх и риск, если бы руководствовалось сугубо коммерческими соображениями. «Просвещение», очевидно, должно было получить и авансовые деньги на такой заказ, и заверения, что спрос на учебник будет обеспечен. Предоставление авансовых средств и использование административных рычагов для успешного «внедрения» учебника как «правильного» — это и есть историческая политика в чистом виде.

ней правящей элиты, который поразительно похож на советский постсталинский нарратив за вычетом коммунистической риторики: дескать, перегибы и преступления были, но они были неизбежны во вражеском окружении и в условиях мобилизации, они искупаются успехами в модернизации страны, без которых была бы невозможна победа в Великой Отечественной войне. Решительно ничего нового. Там, где им не хватает аргументов, авторы нового учебника истории неизменно ссылаются на «мнение народа», который так «помнит», делая вид, будто им

характерное для исторической политики, тоже не обошло Россию стороной. Первым о необходимости принять закон, грозящий уголовным преследованием за «неправильные» высказывания об истории Второй мировой войны и роли в ней СССР, заговорил зимой 2009 года министр по чрезвычайным ситуациям Сергей Шойгу, по совместительству один из лидеров «Единой России». Сегодня в Думу внесено уже два законопроекта, развивающих эти идеи²⁰.

Другой пример исторической политики в российском варианте — указ президен-

“Стремление регулировать вопросы истории с помощью законодательства, столь характерное для исторической политики, не обошло Россию стороной”.

не известно, что эта коллективная память сформирована десятилетиями целенаправленных усилий советской пропаганды.

Последняя глава пособия Филиппова называется «Суверенная демократия» (в книге без кавычек). Это понятие преподносится не как элемент идеологии одной из российских политических партий, каковым оно является на самом деле. «Суверенная демократия» используется как объективное описание современного политического режима в России, который и обеспечил, как объясняется в пособии, успешное развитие страны в последние 10 лет. То же самое делается и в учебнике Данилова¹⁸. Вот как о схожей ситуации в Польше говорит историк Анджей Фришке: «Если мы имеем дело с монолитным повествованием, которое редактирует центр со своими собственными идейно-политическими интересами, то перед нами индоктринация. ...Сегодня в Польше происходит индоктринация, причем наглая. Идет настоящая война за память»¹⁹.

Стремление регулировать вопросы истории с помощью законодательства, столь

та Медведева, изданный в мае 2009 года, о создании при Президенте Российской Федерации комиссии по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России. Указ вызвал волну негативных откликов как профессиональных историков, так и общественности. Вскоре, однако, число таких негативных суждений в публичной сфере резко уменьшилось. Возможно, к событию просто упал интерес, но нельзя исключить и то, что критическая реакция была притушена административным путем. Плохо и то и другое. Если СМИ было велено приглушить оппонентов, значит, власти не желают прислушиваться к критике и решительно настроены перевести сферу исторического сознания под политический контроль. Если общественность постепенно теряет интерес к теме, решив, что указ не будет иметь серьезных последствий, то это весьма наивно²¹. Указ имеет законную силу, и меры по его реализации неизбежно последуют. О том, каковы будут эти меры, можно догадаться по тем «сигналам», которые до нас доходят преднамеренно или случайно.

Летом 2009 года достоянием гласности — судя по всему, непреднамеренно — стал циркуляр академика Валерия Тишкова, заместителя академика-секретаря Отделения историко-филологических наук РАН²². В нем руководителям академических институтов предлагалось составить аннотированный перечень историко-культурных фальсификаций с указанием «лиц и организаций, формирующих и распространяющих фальсификацию». Никаких оговорок, что речь идет о зарубежных «фальсификаторах», в циркуляре нет. Информацию надлежало представить в течение трех дней. Нетрудно предположить, какой ящик

козлиными бороденками, из вас либо выветрятся, либо вы сами выветритесь из преподавания»²⁴.

Текст Данилина о комиссии хочется цитировать щедро: идеи активистов исторической политики автор излагает с подкупающей откровенностью, а его стилистика тоже заслуживает внимания²⁵. Автор честно признаёт: «Все это, безусловно, должно было стать раздражителем профессионального сообщества, и стало, безусловная реакция была получена»; «реакция в профессиональном сообществе историков была резко негативной». Впрочем, сам Данилин объясняет такую реакцию, главным образом,

“Руководителям академических институтов предлагалось составить перечень историко-культурных фальсификаций с указанием тех, кто их формирует и распространяет”.

Пандоры открывает этот циркуляр, какие, казалось, уже забытые навыки по доносительству и сведению личных счетов он способен возродить²³.

Интересные выводы можно сделать из тех публикаций, авторы которых встали на защиту указа о комиссии по фальсификациям. Проанализируем подробнее тексты двух заслуженных активистов исторической политики — Павла Данилина и Александра Дюкова. Заодно и представим себе типичный портрет такого активиста.

Данилин является автором текстов о «суверенной демократии», которые вошли в пособие Филиппова и учебник Данилова. Вот что этот хунвейбин российского разлива заявил оппонентам учебника Филиппова в своем интернет-блоге: «Вы сколько угодно можете поливать меня грязью, а также исходить желчью, но учить детей вы будете по тем книгам, которые вам дадут, и так, как нужно России. Те же благоглупости, которые есть в ваших куцах головешках с

беспомощностью профессиональных историков и их ревностью к успешным бойцам исторической политики: «Именно любители пробили издателей и массово издают книги, в которых на уровне много выше, чем могут позволить себе профессионалы, рассматриваются те или иные события эпохи Сталина, Великой Отечественной, конца царского времени. Эти любители и энтузиасты — вот главное достояние России. Вот те, кто, своего живота не жалея, занимаются тем, что называется отстаиванием исторической памяти. Борьбой с фальсификациями. Как вы думаете, чем на это отвечают официальные историки? Чаще всего жуткой ревностью в бытовом плане, а в академическом — смещением на позиции, которые занимают как раз ревизионисты». Данилин недоволен включением в комиссию даже тех двух представителей Академии, которые там оказались, — директоров академических институтов А.Н. Сахарова и А.О. Чубарьяна, ну и, разумеется, «либерала Сванидзе»²⁶.

Статья Данилина не оставляет сомнений в том, что искать главных «фальсификаторов» нужно внутри страны и борьба с ними должна быть безжалостной. «Ревизионисты подняли головы и выступают в центральных СМИ, как будто при Геббельсе». На взгляд Данилина, новосозданный орган по борьбе с фальсификаторами истории — «это не научная и не академическая комиссия, а политический орган, целью которого будет именно политическая, а не научная работа».

Данилин сожалеет об отсутствии в комиссии «Исаева с Дюковым»²⁷. Александр Дюков, молодой человек с историческим образованием, не так давно создал фонд «Историческая память» и стал выпускать одну за другой книжки на острые исторические темы. Из тех двух, с которыми я успел ознакомиться, одна посвящена отношению УПА к евреям и в целом кажется вполне пристойной²⁸. Единственное, что удивляет, так это большой набор материалов из архива ФСБ, впервые введенный, как отмечается в книге, в научный оборот. Профессиональным историкам известно, как трудно попасть в архив ФСБ и получить там новые материалы²⁹. Во второй книге, где Дюков выступает как составитель и редактор вместе с Игорем Пыхаловым, заголовки говорит сам за себя: «Великая обогнанная война — 2. Нам не за что каяться!»³⁰. Приведу лишь несколько цитат из введения, которые показывают, что наши активисты вполне успешно освоили стилистику худших образцов «историко-политического» жанра в исполнении наших соседей. «Наши враги — и внешние, и внутренние — покушаются на самое святое — на народную память о Великой Отечественной войне. Нас пытаются лишить Великой Победы. Вторя геббельсовской пропаганде, псевдоисторики внушают нам, что Победа-де была достигнута “слишком дорогой ценой”, что она якобы

обернулась “порабощением Восточной Европы”, что солдаты Красной Армии будто бы “изнасиловали Германию”, а советских граждан, переживших немецкую оккупацию, чуть ли не поголовно сослали в Сибирь. Эта книга — отповедь клеветникам, опровержение самых грязных, самых лживых мифов о Великой Отечественной войне, распространяемых врагами России». Или вот это: «Еще один аспект, связанный с советскими репрессиями времен войны, рассматривает историк Александр Дюков. Документы Центрального архива ФСБ, впервые введенные им в научный оборот, свидетельствуют, что советская власть проводила по отношению к сотрудничавшим с нацистами коллаборационистам крайне умеренную и милосердную политику».

Дюков и его фонд, об источниках финансирования которого можно только догадываться, как раз и являются представителями тех «любителей-патриотов», которым, согласно Данилину, пришлось «пробивать издателей» (например, издательства «Европа», «Регнум», «Эксмо») и спасти от поругания нашу историю, вопреки беспомощности или прямому предательству историков-профессионалов. Им предстоит сыграть важную роль в проведении исторической политики, и к этому вопросу мы еще вернемся.

Высказывания Дюкова о комиссии³¹ умнее и сдержаннее, чем речи Данилина, но и он выражает сожаление, «что без представительства “либералов” в Комиссии обойтись было нельзя». Впрочем, Дюков надеется, что это «не повлияет принципиально на эффективность работы». В приведенных цитатах из обоих активистов исторической политики хорошо виден ее важнейший элемент: разрушение пространства для диалога в обществе по проблемам истории. Такой диалог является способом эффективного существования истории в общественном

пространстве, но он последовательно заменяется спором «патриотов и предателей», в котором «предатели», в идеале, должны быть лишены права голоса.

В цитируемом интервью Дюков выражает надежду на то, что сотрудники центра «Историческая память» войдут в состав рабочих групп, создаваемых комиссией. Конечно, циркуляр Тишкова показывает, что руководство РАН тоже готово включиться в работу. Но такие фонды, как «Историческая память» Дюкова, демонстрируют желание и готовность перехватить ведущую роль в обслуживании исторической политики, а с ней и те потоки финансирования, которые будут обеспечивать выполнение заказа³².

Это еще одно свидетельство того, как историческая политика меняет сами принципы взаимоотношений власти и науки. Деньги, выделяемые государством на исследование, в том числе исторические, до сих пор распределялись через фонды, которые работали на основании экспертных оценок самого научного сообщества. Так оно, собственно, и должно быть. Но теперь исследование по истории становятся своего рода политтехнологическим подрядом, и решения о финансировании и об оценке работы будет принимать политическая власть, а не научное сообщество.

Особенно примечателен ответ Дюкова на вопрос о зарубежных проектах, аналогичных комиссии по борьбе с фальсификациями, и о том, накоплен ли за границей опыт, который следует перенять в России. Пространный ответ я приведу целиком, потому что из него становится вполне ясно, какой опыт Дюков и его соратники считают нужным перенять у нас:

«Прежде всего, назову Комиссию историков при президенте Латвии, созданную в 1998 году. Ключевыми задачами данной структуры являются обеспечение официальных лиц тези-

сами для “оккупационной” риторики и презентация на международной арене тематики “преступлений против человечества в Латвии в период советской и нацистской оккупаций (1940–1991)”, при этом акцент делается на “преступления советского тоталитаризма”. Одновременно в Латвии действует правительственная Комиссия “по установлению числа жертв тоталитарного коммунистического оккупационного режима СССР и мест их массового захоронения, обобщению информации о репрессиях и массовых депортациях и подсчету причиненного латвийскому государству и его жителям ущерба”, готовящая обоснования для официального выдвижения финансовых претензий к России. <...>

В Эстонии в 1993 году парламент создал государственную комиссию по расследованию репрессивной политики оккупационных сил, перед которой была поставлена задача подготовить “Белую книгу о потерях, нанесенных народу Эстонии оккупациями”. “Белая книга” была издана в 2003 году и послужила основой для масштабной антироссийской пропагандистской кампании, а также для требований к России “возместить ущерб, нанесенный оккупацией”. Кроме того, при президенте Эстонии была создана еще одна комиссия – Эстонская международная комиссия по расследованию преступлений против человечности при президенте республики. После завершения ее деятельности в начале 2009 года появилась информация о возможности создания на ее основе эстонского Института национальной памяти.

“Институты национальной памяти” – это очень специфические историко-идеологические учреждения, функционирующие в странах Восточной Европы за счет госбюджета. Первым из них стал созданный решением парламента в 1998 году польский Институт национальной памяти <...>.

Аналогичная польскому ИНП структура создана в 90-х годах и в Литве; она носит название

“Центр геноцида и резистенции”. Юридически центр является департаментом при кабинете министров страны, а директор его утверждает Сеймом по представлению премьер-министра страны. Точно так же, как и в польском Институте национальной памяти, в составе литовского центра функционирует департамент специальных расследований.

На Украине ИНП создан в мае 2006 года; в деле переписывания истории он активно взаимодействует со “специсториками” из Службы безопасности Украины и фондом “Украина–3000”, возглавляемый супругой украинского президента Екатериной Ющенко. Характерно, что недавно украинский ИНП публично заявил о невозможности сотрудничества с российскими историками по идеологическим причинам. Недовольство руководства украинского ИНП вызвал тот факт, что российские историки рассматривают голод 30-х годов как общую трагедию, а не трагедию исключительно украинского народа.

...Все [эти организации] финансируются из госбюджета, обладают серьезным потенциалом».

По сути, Дюков сказал правду — Комиссия по борьбе с фальсификациями является таким же инструментом исторической политики, как те учреждения у наших соседей, которые он описал в своем ответе. Остается указать на некоторые явные структурные и функциональные отличия комиссии от, например, польского ИНП и объяснить их причины. Во-первых, в отличие от Польши, современные службы безопасности России сохраняют преемственность со службами безопасности советского режима. Как следствие, в России не произошло изъятия архивов КГБ из-под контроля служб безопасности. Отчасти это похоже на ситуацию в Украине, где местный ИНП находится под патронатом СБУ и снабжается нужными документами из архива СБУ. В результате

ни в России, ни в Украине невозможно (в пределах здравого смысла) принять закон о люстрации.

Опыт Польши и других стран, где существуют такие законы, показывает, что люстрация дает массу возможностей для расправы с политическими оппонентами со стороны тех, кто в данный момент контролирует власть. Причем этой практике вовсе не мешает то, что архивы служб безопасности были изъяты из-под их контроля сразу после краха коммунистических режимов. Российские и украинские архивы СБ не могут служить основанием для проведения люстрации, поскольку невозможно рассчитывать на аутентичность и полноту используемых архивных материалов.

Состав российской комиссии по борьбе с фальсификациями, куда вошли несколько представителей спецслужб, ясно говорит о том, что в вопросе доступа к архивам спецслужб ставка сделана на сохранение нынешнего положения дел, когда закон РФ о рассекречивании документов после истечения тридцатилетнего срока попросту не выполняется. Согласно этому закону, все документы соответствующей давности должны быть автоматически рассекречены, и исследователи должны получить к ним доступ. Лишь специальными решениями можно сохранить гриф секретности на отдельных документах. Вместо этого у нас действует практика, согласно которой каждый документ рассекречивается специальными ведомственными комиссиями. Это будет происходить и далее, а доступ к документам будет открываться избранным исследователям, работающим «на заказ». Не исключено, что ведомственные архивисты будут просто делать для этих привилегированных пользователей подборки документов или даже выдержки из них по соответствующим темам. Все это полностью противо-

речит нормам научного подхода, поскольку исключает возможность независимого поиска в архивах и верификации используемых документов с точки зрения их аутентичности и полноты. Примеры такого рода мы находим, разумеется, в деятельности украинского и даже польского ИНП.

Во-вторых, в российском варианте явно принято решение о том, что собственно и исследовательские, и издательские функции будут рассредоточены по ряду учреждений и центров. И в том, и в другом случае ставка делается не на академические, а, скорее, на политтехнологические структуры³³.

Таким образом, все ключевые элементы исторической политики без труда обнаруживаются в российской практике последних двух лет. Во-первых, налицо попытка насаждения в школе единственного, редактируемого из политического центра, учебника истории. Во-вторых, создаются специальные политически ангажированные структуры, совмещающие задачу организации исследований в области истории с контролем за архивами и издательской деятельностью. В-третьих, осуществляется попытка законодательного регулирования исторических интерпретаций. Наконец, имеют место типичные для исторической политики методы легитимации и идеологического обеспечения всех перечисленных выше практик. Как и в большинстве соседних стран, острое исторической политики направлено внутрь страны. Ведь если в России историческая политика соседей вызывает — вполне оправданное — презрение и возмущение, едва ли вдохновители и организаторы нашей собственной исторической политики всерьез надеются, что к плодам их трудов за рубежом будут относиться иначе!

Вступив, по примеру соседей, на путь исторической политики, Россия только способствует закреплению атмосферы «диалога глухих», которая чем дальше, тем

больше сопровождает обсуждение вопросов недавнего прошлого. «Зеркальный» ответ, когда на каждое «да» одной стороны другая неизменно говорит «нет», далеко не всегда эффективен для борьбы с исторической политикой других государств. Во всех соседних странах есть немало историков и общественных деятелей, которые решительно критикуют историческую политику собственных властей. (Многочисленные свидетельства этого можно найти в материалах данного номера *Pro et Contra*.) Разумный и достойный путь сопротивления исторической политике соседей состоит не в том, чтобы ответить им той же монетой, а в развитии диалога с противниками исторической политики во всех этих странах. В России есть люди, которые этим занимались и будут продолжать свою работу³⁴. Но отечественная историческая политика никак не делает их задачу легкой.

Кроме того, разрушительные последствия исторической политики внутри России могут быть серьезнее, чем в других странах. Причина в том, что возможности общества и исторического цеха сопротивляться исторической политике тем меньше, чем слабее элементы плюрализма и демократии. Сторонники исторической политики стараются внушить российским гражданам, что ситуация с функционированием истории в обществе требует решительных исправительных мер. Это не так. Историческая наука развивалась в постсоветской России совсем неплохо, особенно если принять во внимание те отчаянные материальные трудности, с которыми приходилось иметь дело, в том числе и историкам — как исследователям, так и преподавателям. Мы во многом преодолели методологическое отставание, наладили контакты с зарубежными учеными. Наличие разных точек зрения в академическом сообществе стало восприниматься как норма; постепенно мы — и профессиональные исто-

рики, и просто любители истории, даже начали привыкать к диалогу с теми, кто придерживался иных взглядов. Все это может сильно пострадать, если вмешательство политики в историю будет развиваться так-

ми темпами и в таком направлении, как в последние два-три года. Россия не раз уже демонстрировала способность доводить до абсурда заимствованные из-за рубежа идеи и методы. ■

ПРИМЕЧАНИЯ ¹ Не удивительно, что самый богатый набор таких терминов существует в Германии. См. некоторые примеры в статье Ютты Шеррер в этом номере *Pro et Contra*.

² Здесь и далее под историей понимаются исследование и описание прошлого как особая профессиональная сфера деятельности, а также образы прошлого в общественном сознании.

³ В наших условиях примером такой организации может служить общество «Мемориал», известна существенная роль, которую в этой сфере во Франции играет влиятельное объединение школьных учителей истории.

⁴ В широком смысле это не только памятники, музеи, мемориалы, исторические заповедники, любые другие места, так или иначе связанные с коллективной памятью, но также события и образы исторических персонажей.

⁵ Например, экспозиция музея может отражать лишь одну трактовку событий, которая кажется верной его устроителям, или различные подходы к этим событиям.

⁶ *Rosenfeld G. D. A Looming Crash or a Soft Landing? Forecasting the Future of the Memory "Industry" // The Journal of Modern History. Vol. 81. No 1. March 2009. P. 122–158.*

⁷ Подчеркнем, что некоторые элементы исторической политики характерны не только для Восточной, но и для Западной Европы. Подробнее см. статью Ютты Шеррер в этом номере *Pro et Contra* на с. 89–107.

⁸ Как показал Евгений Финкель в своей статье «In Search of Lost Genocide: Historical Policy and International Politics in Post-1989 Eastern Europe and ex-USSR» (готовится к печати), все посткоммунистические страны, за исключением России, видят политическую задачу в том, чтобы представить свою «титულную» нацию как жертву геноцида в XX веке.

⁹ Отмечу, что часто упоминаемые в этом контексте законы об отрицании Холокоста наказыва-

ют не за интерпретацию, но за отрицание факта и масштабов массового убийства европейских евреев.

¹⁰ Такие рассуждения Марека Чихоцкого, идеолога исторической политики и советника президента Качиньского, см. в: *Stobiecki R. Historians Facing Politics of History. The Case of Poland // Past in the Making: Historical Revisionism in Central Europe After 1989 / M. Kopecek (ed.). Budapest: Central European University Press, 2007. P. 182.*

¹¹ Вполне естественно, что среди квалифицированных и совестливых историков сторонников исторической политики немного, напротив, именно историки в последнее время предпринимают усилия по противодействию исторической политике, поскольку прекрасно понимают ее разрушительный эффект как для самой профессиональной историографии, так и для ее коммуникации с обществом.

¹² Отчасти историческая политика является следствием выхолащивания подлинно значимой политической повестки дня, когда в борьбе за голоса избирателей политики апеллируют не к реальным проблемам современного развития, а к интерпретации прошлого.

¹³ «Историческая политика» в Восточной Европе: Плоды вовлеченного наблюдения: Лекция Алексея Миллера (<http://www.polit.ru/lectures/2008/05/07/miller.html>).

¹⁴ *Филиппов А.В.* Новейшая история России: 1945–2006 гг.: Книга для учителя. М.: Просвещение, 2007.

¹⁵ *История России: 1945–2007: Учебник для 11 класса / Под ред. А.А. Данилова, А.И. Уткина, А.В. Филиппова. М.: Просвещение, 2007. Второе издание: История России, 1945–2008. М.: Просвещение, 2008; Данилов А.А. История России 1900–1945. Методическое пособие. 11 класс. М.: Просвещение, 2008.*

¹⁶ Критический анализ учебника, с которым я в основном согласен, см. *Борисов М.* Мы вас научим Родину любить (А.В. Филиппов. Новейшая история России. 1945–2006 гг.) // Отечественные записки. 2007. № 4 (36). (<http://www.strana-oz.ru/print.php?type=article&id=1530&numid=38>).

¹⁷ См. неоднократно переиздававшиеся: *Загладин Н.В., Козленко С.И., Минаков С.Т., Петров Ю.А.* История России: XX – начало XXI века. М.: Русское слово, 2008 (8-е издание); *Отечественная история XX – начала XXI века* / Под ред. А.О. Чубарьяна. М.: Просвещение, 2006 (3-е издание); *Левандовский А.А., Щетинов Ю.А., Мироненко С.В.* История России: XX – начало XXI века. М.: Просвещение, 2009. В мировой историографии понятие «тоталитаризм» уже мало кто ассоциирует с концепциями К. Фридриха и З. Бжезинского, которые действительно были плодом и инструментом холодной войны. Например, с 2000 года издается превосходный журнал *Totalitarian Movements and Political Religions* («Тоталитарные движения и политические религии»). Поэтому заведомо искажают ситуацию заявления Данилова и Филиппова о том, что концепция тоталитаризма «неизменно была оружием холодной войны», «являлась и является не инструментом познания, а орудием идеологической борьбы».

¹⁸ *Филиппов А.В.* Новейшая история России. С. 421–485; *История России: 1945–2007*. Гл. 6, особенно с. 328–329.

¹⁹ Co ma państwo do historii // *Gazeta Wyborcza*. 2008. June 14. (http://wyborcza.pl/1,76498,5311937,Co_ma_panstwo_do_historii_.html).

²⁰ См.: *России гарантировано прошлое* // Коммерсантъ. № 88 (4143). 2009. 20 мая (<http://www.kommersant.ru/doc.aspx?DocsID=1172771>). Там же см. подборку высказываний высших государственных чиновников о необходимости ужесточения контроля за учебниками истории и за историей вообще.

²¹ Примеры такого благодушного отношения можно найти в недавней подборке высказываний уважаемых историков, опубликованной сайтом «Полит.ру» (<http://www.polit.ru/analytics/2009/08/10/istorija.html>).

²² <http://www.svobodanews.ru/content/article/1766749.html>

²³ Авторы письма вполне отдают себе в этом отчет – насколько можно судить из их неуклюжих

публичных объяснений в ответ на публикацию циркуляра. См.: *Об ажиотаже* вокруг письма Отделения историко-филологических наук РАН «о фальсификациях истории»: Письмо заместителя академика-секретаря ОИФН РАН по научно-организационным вопросам А.Е. Петрова (<http://www.polit.ru/dossie/2009/07/03/petrov.html>). Директора академических институтов (с удовольствием отмечу, что не все) поспешили довести инструкцию до подчиненных, иногда сетуя на бессмысленность инструкции, но разводя руками – мол, приказы начальства не обсуждают.

²⁴ Цит. по: *Борисов М.* Мы вас научим Родину любить...

²⁵ *Данилин П.* Как реагировать на комиссию по борьбе с фальсификациями: Без знака вопроса (<http://russ.ru/pole/Kak-reagirivat-na-komissiyu-po-bor-be-s-fal-sifikacijami>). Данилин является шеф-редактором Интернет-сайта www.kreml.org

²⁶ Там же.

²⁷ Алексей Исаев – военный писатель. Известность получил своей книгой «Антисуворов». Опубликовал ряд других «контрпропагандистских» книг. В 2007 году принят на работу в Институт военной истории Министерства обороны РФ, тот самый, сотрудник которого, полковник, кандидат исторических наук С.Н. Ковалёв прославился статьей «Вымыслы и фальсификации в оценках роли СССР накануне и с началом Второй мировой войны», возлагающей вину за ее начало на Польшу (см.: Военно-исторический журнал. 2008. № 7). Высказываний Исаева о комиссии мне обнаружить не удалось.

²⁸ *Дюков А.Р.* Второстепенный враг: ОУН, УПА и решение «еврейского вопроса». М.: Regnum, 2008.

²⁹ О проблемах, связанных с работой в архивах, см., например, публикации историка Никиты Петрова: *Петров Н.* Доступ к госархивам // Мемориал. № 20. Сент.–окт. 2000. С. 14–17; *Он же.* Десятилетие архивных реформ в России // Индекс/Досье на цензуру. 2001. № 14. С. 18–33; *Архивная контрреволюция* (Интервью Н.В. Петрова редакторам «НЛО») // Новое литературное обозрение. 2005. № 74. С. 375–387.

³⁰ Великая оболганная война–2: Нам не за что каяться!: Сб. / ред.-сост. А. Дюков. М.: Яуза, Эксмо, 2008.

³¹ *Александр Дюков.* Бояться деятельности Комиссии по борьбе с фальсификацией истории

могут только те, кто эту историю фальсифицируют (интервью portalу Liberty.ru/Свободный мир) (<http://www.liberty.ru/Themes/Aleksandr-Dyukov-Boyat-sya-deyatel-nosti-Komissii-po-bor-be-s-fal-sifikaciej-istorii-mogut-tol-ko-te-kto-etu-istoriyu-fal-sificiruyut>).

³² «К настоящему времени наш фонд является одной из ведущих организаций в стране, занимающихся проблемами борьбы с фальсификацией истории», — сообщает Дюков. См: Там же.

³³ Как это часто бывает, нет худа без добра: в этом случае у собственно научных структур появляется больше шансов сохранить лицо и репутацию.

³⁴ **Прим. ред.:** Пример такого рода работы см. в диалогах Алексея Миллера и Георгия Касьянова «Россия—Украина: Как пишется история» на «Полит.ру»: Часть 1. Голодомор (<http://www.polit.ru/analytics/2009/03/10/golodomor.html>); Часть 2. Вторая мировая война (<http://www.polit.ru/analytics/2009/04/02/historia.html>); Часть 3. От Хмельницкого до Мазепы (<http://www.polit.ru/analytics/2009/04/21/ukr.html>); Часть 4. Между Гражданской и Второй мировой (<http://www.polit.ru/analytics/2009/06/18/ukr.html>); Часть 5. Первая мировая (<http://www.polit.ru/analytics/2009/07/02/worldwar.html>).